

Александр Эртель

Два помещика

Александр Эртель

Два помещика

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Два помещика / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Неподвижный воздух был пропитан какою-то душною, тяжелою сыростью. Ни малейшего дуновения ветерка не проносилось в поле: было тихо, как в могиле... Но тишина эта казалась какою-то тревожною тишиною: так и думалось, что вот еще мгновение – и разразится буря, хлынет ливень, раздастся страшный гул громовых ударов... Все словно замерло в каком-то напряженном, ноющем ожидании этой бури, этого ливня, этих раскатов грома... Дышалось тяжело...»

Александр Иванович Эртель

Два помещика

Это было три года тому назад, в конце мая. Понадобилось мне продать четвертей сто овса. Обратился я с ним к купцам своего уездного городка, дают дешево; предложил жидам, в изобилии заполонившим городок со времени проведения железной дороги; надбавили, но все-таки мало. Я уж колебался и подумывал, не взять ли задаток, как вдруг совершенно случайно встретил одного благоприятеля, преподавшего мне совет – съездить с овсом в Даниловку, имение господина Михрюткина, так как там сильно нуждаются в овсе для конного завода и за ценой не постоят. Благоприятель, вместе с советом, дал мне и записку к какому-то Андреяну Лукьяновичу, не то приказчику, не то конторщику господина Михрюткина. Эта записка должна была служить мне некоторой рекомендацией и вообще оказать услуги. Андреян Лукьянович и мой благоприятель были знакомцы очень близкие и даже в некотором роде друзья, как оказалось впоследствии.

Получив записку, я тотчас же выехал из города, хотя было уже не рано: до захода солнца оставалось не более получаса. Даниловка отстояла от города верстах в двадцати, и мне думалось, что, переговорив вечером с господином Михрюткиным насчет овса, я успею к раннему утру попасть на свой хутор, где у меня начинался уже покос. Но предположениям моим не суждено было осуществиться, и мне пришлось ночевать в Даниловке. Дело в том, что когда мы, – то есть я и мой неизменный спутник, работник Семен, – подъезжали на парочке бойких лошадок к Даниловке, наступила уж настоящая ночь, и притом ночь непогожая. Тяжелые тучи загроздили и без того темное небо. Только на западе, где узкой белесоватой полоской тускло догорала вечерняя заря, не гроздились тучи, и от этой-то едва тлеющей полосы еще можно было кое-что разглядеть в поле. Там и сям промеж туч искрилась ослепительная молния, иногда сопровождаемая едва слышным раскатом грома. Неподвижный воздух был пропитан какою-то душною, тяжелою сыростью. Ни малейшего дуновения ветерка не проносилось в поле: было тихо, как в могиле... Но тишина эта казалась какою-то тревожною тишиною: так и думалось, что вот еще мгновение – и разразится буря, хлынет ливень, раздастся страшный гул громовых ударов... Все словно замерло в каком-то напряженном, ноющем ожидании этой бури, этого ливня, этих раскатов грома... Дышалось тяжело и с каким-то неприятным усилием: боязливая, раздражающая тоска сжимала грудь. Даже лошади – и те бежали неохотно, поминутно отфыркиваясь и беспокойно прядая ушами.

Одни перепела не унывали. Их точно кто подзадоривал. Необыкновенно резкое и порывистое, словно захлебывающееся треньканье слышалось отовсюду, и чем ярче искрилась молния, и чем ближе раздавался рокот грома, тем порывистей и настойчивей становилось это треньканье...

Уж крупные капли дождя изредка начали шлепать по дороге, покрытой толстым слоем пыли, когда мы подъехали к широкому даниловскому пруду. Усадьба была на противоположном берегу, и чтоб добраться до нее, нам предстояло проехать по длиннейшей плотине, обсаженной по обеим сторонам старыми развесистыми ветлами.

Я никогда не был в Даниловке и теперь с любопытством вглядывался на ту сторону пруда. К сожалению, тучи, покрывавшие почти все небо, распространяли такую темноту, что не было никакой возможности хорошо рассмотреть усадьбу. Виднелись какие-то многочисленные здания, среди которых особенно выделялось одно, на самом берегу пруда, высокое и большое, с огнями в двух-трех окнах, – по всей вероятности, барский дом. Около этого дома смутно белелись еще какие-то домики, низенькие и маленькие, в которых тоже кой-где мигали огоньки. В стороне тянулись постройки, очень узкие и длинные и уж без огня в окнах, – должно быть, конюшни. Вообще усадьба была, по-видимому, устроена на широкую, дореформенную ногу.

Проехав плотину и миновав мельницу, по колесам которой с тихим журчаньем переливалась струйка воды, как-то прокравшаяся из затворенной скрыни, мы поднялись на небольшую возвышенность, по направлению к тем скудно освещенным флигелькам, которые виднелись рядом с барским домом. Около каменной узорчатой ограды, загораживавшей усадьбу, окликнул нас сторож.

– Где живет Андреян Лукьяныч? – спросил я его.

– В конторе.

– А контора где?

– Да вам на что?

– Андреяна Лукьяныча нужно.

– Вы чьи будете?

– Свои. Где ж контора-то?

– Около хором. Вон огонек-то мигает!.. Вы к кому, к Андреяну Лукьянычу, что ль?

– К нему.

– Т-эк-с... По делу какому, ай как?..

– По делу, по делу. Ты, чем спрашивать, проводил бы нас.

– Мне что ж, я пожалуй... Куда проводить-то, к самой конторе?

– Да. Ведь там живет Андреян-то Лукьяныч?

– Где ж ему опричь... Известно – там.

– Ну, туда и веди.

– Так бы и говорили! Значит, к самому надоть?

– Конечно, к самому...

– Ну, вот... А я, признаться, думал, ноне у него кухарка деверя в гости ждала, так не деверь ли, мол... Он у ней тоже великатный... Как ни приедет, все на паре... Так вы не сродни ей будете?

– Кому?

– Да Маланье-то?... Деверь у ей у сакуринского барина в поварах живет...

– Фу, ты черт!.. Да веди ты, ради Христа! – вскричал я.

Перемена тона сразу подействовала: сторож уж без расспросов проводил нас к конторе.

Андреян Лукьяныч был маленький сутуловатый человек, гладко причесанный, сморщенный, вертлявый, одет плоховато, но чистенько. В его голове и маленькой козлиной бородке кой-где пробивалась седина. Зеленоватые блестящие глазки хитро и вкрадчиво высматривали из-под рыжеватых реденьких бровей. И манеры, и выговор, да и самая наружность ярко обличали в нем бывшего дворового человека, по всей вероятности, «состоявшего» камердинером при барине в доброе старое время.

Прочитав записку моего приятеля, Андреян Лукьяныч сделался необыкновенно ласков и любезен. Приказал убрать лошадей, дать им корму, накормить Семена, меня же напоил чаем и угостил отличнейшей солянкой. На мой вопрос, когда я могу переговорить с господином Михрюткиным, он мне сообщил, что видеть, его можно завтра перед обедом, потому что он ждет к обеду какое-то «лицо» и все утро проведет в страшных хлопотах с поваром.

– Что же это так? – удивился я. – Или повар плох?

– Он не то чтобы плох, да внове еще, не привык-с. Ну, пожалуй, что и разиня маленько... Вот они-то, Егор Данилыч-то, и боятся... А уж они страсть как этого не любят, чтоб насчет кушанья что было плоховато... Вся жизнь, можно сказать, на это положили-с... И уж что другое прочее, а в этом смыслят-с...

Андреян Лукьяныч снисходительно и тихо засмеялся, лукаво щуря свои плутоватые глазки.

– И что ж, он каждый день так-то, в кухне?

– Ну, зачем каждый день-с!.. Но завтра, видите ли-с, дело-то совсем особенное: нонче еще с утра привезли им лососину да стерлядь, нарочно за тем в Воронеж посылали-с; ну, вот и бояться, как бы повар-то по своей глупости не изгадил-с...

– К чему же Егор Данилыч торжество-то такое затеял?

– Да гость-то – Карпеткин... Может, слышали-с?.. Он хоть и помещик, и даже весьма состоятельный, но торгаш, каких мало-с... Ну, так Егор-то Данилыч нороят ему четырехлетков сбыть... жеребчиков двенадцать их будет-с... Извоили понять?.. А господин Карпеткин держит себя хотя и запросто, но поесть любит и в еде смыслит-с... Ну, Егор-то Данилыч и возымели намерение обедом его размягчить... Только, кажется, напрасно они так думают, его этим не объедешь-с, – добавил Андреян Лукьяныч и опять тонко усмехнулся.

Надо прибавить, что, – вероятно, благодаря рекомендации моего приятеля, – Андреян Лукьяныч, по-видимому, не стеснялся говорить со мною о господине Михрюткине откровенно, хотя, несмотря на эту откровенность, и избегал упоминать о нем иначе, как во множественном числе, что, по его понятиям, означало высшую степень почтительности.

Ложась спать, на том мы и порешили, чтоб завтра часа в два сходить мне к господину Михрюткину. Андреян Лукьяныч ручался за хорошую продажу овса, и это, конечно, вполне помирило меня с маленьким промедлением.

Заснул я очень поздно, почти перед зарей; в приготовленной для меня постели оказалась целая бездна самых негостеприимных насекомых... Всю ночь напролет шел проливной дождь, сверкала и гремела гроза и слышался шум ветра. Впрочем, еще с вечера этого следовало ожидать.

Какой-то странный, до нелепости пронзительный крик разбудил меня. Я испуганно вскочил с постели, бросился к окну и распахнул его. Удивительная картина предстала предо мною... Солнце взошло уже высоко и с невероятным обилием заливало своими горячими лучами все, что только доступно было глазу... Внизу, под той возвышенностью, на которой стояла усадьба, эти лучи, ослепительно сверкая, отражались в гладкой поверхности громадного, чистого пруда; веселая зелень безбрежных полей, расстилавшихся за прудом, молочно-белые постройки усадьбы с их красными и зелеными крышами, желтый песок дорожек, ведущих от барского дома к флигелям, – все это так и тонуло в веселом, ярко-золотистом море света... Дождя, лившего целую ночь, как не бывало. Только капли росы, кой-где сверкавшей в траве, да здоровая, благоухающая свежесть воздуха напоминали о нем. На бледно-голубом небе не виднелось ни одного облачка.

Шагах в двадцати от конторы, у дверей противоположного флигеля, из трубы которого тихо вился беловатый дымок, бестолково толпилась маленькая кучка народа, как и всё вокруг, щедро залитая яркими солнечными лучами. Эта-то кучка, потонувшая в веселых, словно смеющихся, лучах жаркого майского солнышка, и удивила меня несказанно...

На первом плане выделялась маленькая тучная фигурка в старом, засаленном халате, в туфлях и кальсонах, с открытой лысой головой. Обеими коротенькими, но очень толстыми ручками фигурка эта беспомощно поддерживала свое объемистое брюшко. Распахнутый халатик открывал рыхлое нежно-розовое тело на деbeatой шее и выпяченной груди, покрытой рыжеватыми волосками; лысая головка, с заплывшим и красным от натуги лицом, жалостливо перегнулась набок; длинные усы взъерошились и беспорядочными клоками топорщились в разные стороны; большой, широкий нос съезжился и побледнел; на круглых, неподвижно уставленных в одну точку глазках сверкали обильные, градом катящиеся слезы... Громадные уши были красны как кровь, жирный затылок собрался в какие-то толстые сборки и тоже покраснел под коротко стриженными рыженькими волосиками... Выражение лица было замечательно. По своеобразнейшей смеси бешеной злости и глубочайшего отчаяния, растерянности и беспомощности оно было в состоянии и уморительно насмешить, и разжалобить человека...

Эта-то фигурка пробудила меня своим криком. Она то плакала, как ребенок, всхлипывая и захлебываясь, то раздражалась чисто истерическими рыданиями, то как-то необыкновенно пронзительно и дико выкрикивала какие-то слова, не то жалобы, не то ругательства – разобрать не было никакой возможности, – то глухо и мучительно стонала, туго сжимая брюшко, неестественно перегиная стан и еще более выпячивая грудь.

Недалеко, от фигурки в халате, растерянно поникнув взором и машинально перебирая руками фартук, стоял повар, необыкновенно высокий малый, худой, как шест, и прямой, как стрела. Белоснежная фуражка без козырька, молодежато надетая набекрень, чрезвычайно как не шла к кислому выражению его глуповатой физиономии с длиннейшим носом и испуганно вытаращенными глазами. Он стоял как вкопанный, не двигаясь с места ни на йоту... Из-за него удивленно выглядывал, старательно ковыряя в носу, курносый румяный поваренок с громаднейшей взъерошенной головой и в белой, позамазанной на локтях, куртке. По другую сторону фигурки в халате замечательно толстая баба в зеленом платье, по-видимому ключница, тяжело отдуваясь, что-то объясняла, обиженно разводя руками. Она только что прибежала, и ее массивная подушкообразная грудь бурно колыхалась от усталости. За этой группой, ближе к кухне, застыл в неподвижной позе, с приподнятым топором, грязный кухонный мужик, заскорузлый и растрепанный, с недоумевающей усмешкой на лице, почти сплошь заросшем черными, как деготь, бестолково перепутанными волосами. С разных концов усадьбы, из флигелей, из конюшен, виднелись бежавшие на крик люди: кучера, конюхи, рабочие... Одним словом, хаос был полный, и солнышко приветливо заливало его яркими, горячими волнами света...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.